

Кабарда на этапах политической истории

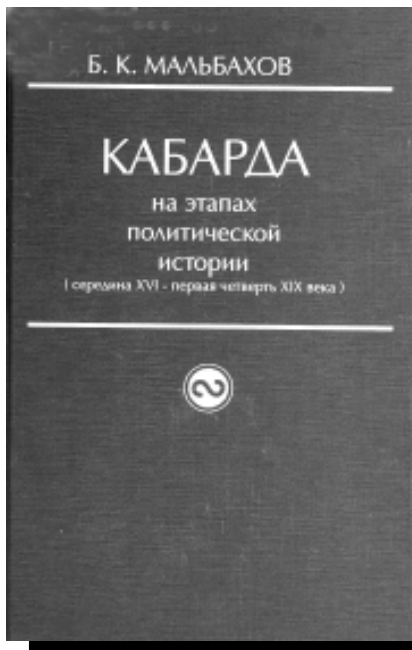
Рецензия на книгу Б.К. Мальбахова
«Кабарда на этапах политической истории»

(Середина XVI в. – первая четверть XIX в.). –

М.: Поматур, 2002. 511 с.

Изучение истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией было и остается ключевой проблемой кавказоведения. Одним из важнейших ее аспектов является история кабардино-русских отношений с середины XVI по первую четверть XIX века. В этот, почти трехсотлетний, период произошло столько событий, что их совокупность, несмотря на громадный общественный интерес, остается «вершиной Эльбруса», близкой, манящей, но недоступной любителю. Осилит дорогу идущий. Тридцать пять лет научного творчества Б.К. Мальбахова дали весомый результат, и рецензируемая работа тому лучшее подтверждение.

Сюжетная линия повествования проста. Военно-политическая опасность со стороны крымских ханов на западе и тарковских шамхалов на востоке заставили адыгов искать союзников на севере. Военно-политический союз, заключенный в 1557 г. Россией с Кабардой, укрепленный женитьбой Ивана Грозного на дочери олиипша (старшего князя) Кабарды Темрюка Идарова Гошаней (после крещения – Мария) и приглашением на службу в Москву видных представителей адыгской феодальной знати, давал определенные гарантии безопасности Кабарде. В то же время Россия, после присоединения Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств, нуждалась в поддержке Кабарды для укрепления положения в устье Волги и развития отношений с народами Кавказа. Заинтересованность в добрососедских отношениях объединяет крепче, чем любые договоры и соглашения. Но двухвековой альянс (XVI–XVII вв.) завершается в начале XVIII века. По мере утверждения и укрепления международного положения России в Европе в ее политике на востоке происходят значительные изменения. Политика становится жесткой и агрессивной, направленной на военно-административное подчинение Кавказа. С последней четверти XVIII в. начинается реализация этих планов в Кабарде, которые были завершены генералом А.П. Ермоловым в 1826

г., когда де-факто Кабарда потеряла свою независимость. Таким образом, в период с конца XVIII по первую четверть XIX века традиционные этносоциальная структура и этнополитическая организация Кабарды были разрушены и кабардинское общество включено в административно-политическую систему Российской империи. И здесь правомерен вопрос: потеря традиционной формы государственности – это последняя точка истории этноса или первая, в новом качестве?

В последние годы по заявленной Б.К. Мальбаховым теме опубликованы

десятки книг¹ и сотни статей. Научный интерес обуслов-

лен рядом факторов: уход от однолинейного восприятия исторического процесса и осмысление мира как многополярного, но взаимозависимого и взаимообусловленного целого; снятие идеологических догм и штампов по наиболее сложным проблемам народов Северного Кавказа; открытие архивных фондов, еще вчера недоступных или малодоступных историкам; появление новых методологических подходов в истории; рост национального самосознания народов и др. Научная проблематика обусловлена теми процессами, которые переживает сегодня наше общество. Будет ли наша (КВР или РСО-А, или КЧР, или РА и т.д.) республика суверенным государством? Какая форма правления нам ближе и почему? Какой политический режим будет принят населением?

К счастью (или к сожалению), мы не можем изменить наше прошлое, но можем попытаться извлечь из него уроки для настоящего и будущего. Эта мысль – своеобразный лейтмотив всего исследования ученого. Да, мы мало знаем наших героев, да, мы мало знаем наш народ, и над этим надо работать и работать, но если мы все-таки что-то знаем о прошлом,

то это должно помочь нам сегодня. Чтобы не уподобляться тем «бледнолицым, которые дважды наступают на одни и те же грабли». Эта мысль ученого, в той или иной форме, присутствует в каждом параграфе и главе книги.

Известный ученый и педагог не на словах, а на деле понимает неразрывность и обусловленность прошлого и настоящего. Ведь история – это самая жесткая из всех наук, потому что она способна сказать нам правду о нас, о нашем прошлом, настоящем и будущем. Но общество, как и отдельная личность, увы, с трудом переносит правду о себе. И то, что сегодня кавказоведение, как и вся российская наука, выходит на пока еще довольно приблизительный уровень этой правды, неспроста вызывает истерику и в «околонаучных» кругах, и в крайне политизированном обществе.

С одной стороны, некоторые политические «лидеры», местные национальные движения, объединения, «фронты» требуют восстановить историческую справедливость», которая, в их понимании, заключается в кровавой колониальной политике России во все времена и эпохи; с другой – жмут властные структуры, приказывающие показать «великую роль братской России в судьбах горских народов». Не всем и не всегда удается выдержать этот двухсторонний прессинг. Научная порядочность и непредвзятость, честность в подборе иногда взаимоисключающих фактов, корректный вывод из приведенного материала – это те слагаемые научного познания, которые позволяют реконструировать прошлое. Представляется, что эти качества в полной мере отражены в рецензируемой книге.

В работе Б.К. Мальбахова органически сплелись два направления острого интереса современного российского читателя к проблеме Кавказа. Один из них – это желание как можно больше узнать об исторических личностях Кабарды, влившимися в российскую политическую элиту XVI–XIX вв., правителях Кабарды, военной и дипломатической верхушки кабардинского общества.

С середины XVI столетия кабардинские князья стали выезжать на службу в Россию, где они получали титул и фамилию – князья Черкасские, по первоначальному названию жителей Кабарды в русских документах и летописях. «Князья черкасские, уроженцы сурового Кавказа, выезжали в Россию в разные времена; принимали нашу веру, вступали в брак с дочерьми русских князей и бояр, служили... в звании боярском и в знатнейших чинах – отмечал Долгоруков в «Российском родословном сборнике», озаменовали себя доблестями и заслугами, стяжали имени своему блистательное место в русских летописях».

В истории России широко известны три ветви рода Черкасских, происходившие от сыновей князя Идара: Темрюка (угасла в 1651 году после смерти его внука, военачальника и государственного деятеля, Дмитрия Мамстрюковича), Камбулата (превратилась в XVIII веке в лице государственного канцлера Алексея Михайловича) и Желегота (потомки живы до наших дней). «Черкасские играли, – подчеркивает Б.К. Мальбахов, – значительную роль в политической жизни российского общества. Достаточно назвать таких деятелей, как Михаил Темрюкович, Борис Камбулатович, Яков Куденетович, Михаил Алегукович и др.»². Среди Черкасских были руководители приказов и коллегий, видные государственные деятели, командующие армиями, губернаторы и т.д. Многие из них в разное время входили в состав Боярской думы – высшего органа страны, осуществлявшего законодательные, судебные и военно-политические функции в течение определенного периода русской истории. И автор много делает для возвращения некоторых деятелей «из небытия», а по известным персонажам вводит в научный оборот новые источники и материалы.

Второе направление – особое внимание к истории взаимоотношений России с народами Кавказа в целом, к кавказской войне в частности, которая, преломляясь в призме современности, в общественном сознании ассоциируется с событиями, проис-

¹ Бейтуганов С. Н. Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993.; Бесланев В. С. Малая Кабарда. – Нальчик, 1995; Блиев М. М. Кавказ в политике России XVIII–первой половины XIX вв. – Орджоникидзе, 1989; Блиева З. М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII–первой трети XIX вв. – Владикавказ, 1992; Гугов Р. Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. – Нальчик, 1999; Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. – Нальчик, 1994; Дзамихов К. Ф. Адыги и Россия. М., 2000; Дзамихов К. Ф. Адыги в политике России на Кавказе. – Нальчик, 2001; Карданов Ч. Э. Путь к России. – Нальчик, 2001; Мальбахов Б. К. Средневековая Кабарда. – Нальчик, 1994 (в соавторстве); Мальбахов Б. К. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. – Нальчик, 1996 (в соавторстве); Мальбахов Б. К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825). – Нальчик, 1998; Мизиев И. М. Народы Кабарды и Балкарии в XIII–XVIII вв. – Нальчик, 1995; Моков Б. М. Кабарда второй половины XVI–XVII вв. – Нальчик, 2001; Соттавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. – М., 1991; Якубова И. И. Северный Кавказ русско-турецких отношениях в 40–70 годы XVIII века. – Нальчик, 1993 и др.

² Б. К. Мальбахов, Кабарда на этапах политической истории (Середина XVI в–первая четверть XIX в). – М.: Поматур, 2002. С. 424.

ходящими на Северном Кавказе в последнее десятилетие XX века.

Находившейся на стыке интересов двух империй – Российской и Османской – Кабарде приходилось проводить продуманную и хорошо взвешенную политику. Возрастание значимости Кабарды стало проявляться во все усиливавшейся ее посреднической роли во взаимоотношениях России с другими северокавказскими правителями. С одной стороны, Кабарда все еще выступала как покровительница и сюзерен по отношению к соседним горским народам, а с другой – лавировала между державами-соперницами, на равновесии сил которых в этом регионе, по мнению Б.К. Мальбахова, держалась ее относительная независимость.³

Со второй половины XVIII века ситуация на Северном Кавказе меняется, правительство России приступает к колонизации региона. От Кизляра, основанного в 1735 г., до Моздока (1763) появляется линия военных укреплений, положивших начало возведению Кавказской линии. Цель ее создания, по мнению правительства, заключалась в том, что «единственно надежным средством для прочного утверждения российского владычества на Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением».⁴ Такая политика не могла не привести к военным столкновениям с народами Северного Кавказа.

В истории народов Северного Кавказа, как и в истории народов Российской империи, Кавказской войне принадлежит большое место. Сложнейшая внутренняя структура этого явления, обусловленная формой и содержанием теократического государства, созданного во время войны и ради войны, сложным национальным и социальным составом, дает основание считать Кавказскую войну историческим феноменом XVIII–XIX вв. Не затрагивая деятельности Шамиля, Б.К. Мальбахов акцентирует внимание читателя на событиях 1763–1825 гг., которые подготовили «фундамент» для строительства необычной формы государственности у народов Северного Кавказа – теократического государства Шамиля.

Причиной конфронтации России и горских народов явился сложный комплекс проблем, среди которых выделяются: геополитическое противостояние Ирана, Турции и России; имперские амбиции царизма; захват миллионов десятин земли в Предкавказье; установление новой административно-судебной системы, нарушившей права кабардинских князей; нежелание народов Северного Кавказа менять традиционный уклад жизни в угоду «особо ре-

тивным администраторам»; особенности расширения территории России, образно зафиксированные В.О. Ключевским: «... история России есть история страны, которая колонизируется», и др.

Началом Кавказской войны, по мнению ученого, стало строительство в 1763 г. крепости Моздок, которая превратилась в плацдарм экспансии России в Восточной Кабарде. Тем не менее, подчеркивает Б.К. Мальбахов, несмотря на освободительный характер борьбы кабардинцев против царизма, в противостоянии с Турцией и Крымом они, как правило, поддерживали Россию. И это не случайно. Многовековая история взаимоотношений России и Кабарды в борьбе с общим врагом, совпадение интересов достаточно полно осознавалось народом. Поэтому как бы не складывались отношения официальной России с правителями Кабарды, народы шли одним путем, одной дорогой.

Отметим, что ряд положений в работе требует уточнений и доработки. Исследованию кабардино-русских отношений в XVI–XVII вв. уделено, по нашему мнению, недостаточно внимания, хотя именно этот период требует особенно пристального внимания ввиду его хронологической продолжительности и важности для дальнейшей судьбы кабардинского этноса. Вопрос «быть или не быть» Кабарде решался не в XVIII веке, не в столкновении «сильной» России и «слабой» Кабарды, а в XVI–XVII веках, когда кабардинское общество стояло на пороге создания централизованного государства, но так его и не создало. Центробежные силы узкокорыстных интересов отдельных князей оказались сильнее жизненно важных потребностей кабардинского этноса. Почему? Систематизированный ответ по этой проблеме, безусловно, обогатил бы историографию кавказоведения.

В завершение приведем последние строки книги, с которыми нельзя не согласиться: «... мы всегда должны помнить и знать свою историю – ее светлые и трагические страницы. Ведь уроки истории учат нас, что только в мире и согласии народов залог нашего будущего и процветания».⁵

Работа выполнена в недавно открытом отделе истории и этнографии народов Кавказа при Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства Республики Северная Осетия-Алания. Хорошее начало научной деятельности отдела – залог его будущих успехов.

*Доцент КБГУ
П. А. Кузьминов*

³ Б. К. Мальбахов, *Кабарда на этапах политической истории (Середина XVI в–первая четверть XIX в)*. – М.: Поматур, 2002. С. 424.

⁴ См.: *Акты Кавказской археографической комиссии*. – Тифлис, 1904. Т. 12. С. 583.

⁵ Б. К. Мальбахов. *Кабарда на этапах политической истории*. С. 428.